

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ

ИМЕТЬ И НЕ ИМЕТЬ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Х37

Серия «Эксклюзивная классика»

Ernest Hemingway

TO HAVE AND HAVE NOT

Перевод с английского *И. Судакевича*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Печатается с разрешения
Hemingway Foreign Rights Trust
и литературного агентства Fort Ross. Inc.

Хемингуэй, Эрнест.

Х37

Иметь и не иметь : [роман] / Эрнест Хемингуэй ; [пер. с англ. И. Судакевича]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 288 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-098304-9

«Иметь и не иметь» (1937) — история Гарри Моргана, простого и честного рыбака, который превращается в контрабандиста. В основе повествования — судьба главного героя, ставшего преступником. Но кроме этого, «Иметь и не иметь» — остросоциальный роман, в центре которого конфликт бедности и богатства, имущих и неимущих, людей, которых бедность вынуждает преступать закон, и людей, наслаждающихся жизнью и прожигающих ее. Кто же из них более достоин порицания?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Hemingway Foreign Rights Trust, 1937
Школа перевода Баканова, 2016
© Перевод. И. Судакевич, 2016
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2020

ISBN 978-5-17-098304-9

Примечание автора:

Поскольку в последнее время наблюдается склонность отождествлять книжных персонажей с реальными людьми, автор считает уместным заявить, что в этой книге реальных людей нет: как сами персонажи, так и их имена выдуманы. Если и встречается имя какого-либо живущего человека, то лишь по чистой случайности.

Часть первая

ГАРРИ МОРГАН

(весна)

Глава первая

Представляете себе Гавану ранним утром, когда под окнами домов еще дрыхнут бродяги? Когда даже лед еще не начали развозить по барам?.. Словом, мы шли в «Жемчужину Сан-Франциско» выпить кофе, а когда пересекали площадь, на ней не спал лишь один попрошайка — хлебал воду из фонтана. Но когда мы вошли внутрь, там уже поджидали трое.

Мы сели, и один из них шагнул к нам.

— Ну? — сказал он.

— Не могу, — ответил я. — Рад бы помочь, да не могу. Еще вчера об этом говорил.

— Тогда назови свою цену.

— Не в этом дело. Просто не могу, и все.

Те двое тоже подошли и уныло маячили рядом. Врать не стану, с виду вроде неплохие парни, и я в самом деле был бы не прочь оказать им услугу.

— По тысяче монет с головы, — сказал тот, кто сносно владел английским.

— Не терзай мне душу, — сказал я ему. — Правду говорю: не могу я.

— Наступят другие времена, и когда здесь все изменится, тебе зачтется.

— Знаю. Я вообще за вас болею. Но согласиться не могу.

— Почему?

— Лодка меня кормит. Если ее конфискуют, я потеряю все.

— На эти деньги купишь новую.

— Сидя в каталажке?

Они, должно быть, решили, что я люблю, когда меня уламывают, потому что этот парень упрямо гнул свое.

— У тебя будет три тысячи долларов, плюс заслуги. Нынешний режим, знаешь ли, долго не протянет.

— Слушай, — говорю я, — меня не волнует, кто тут у вас президент. Главное, что я не вожу в Штаты ничего болтливое.

— Намекаешь, что мы будем болтать? — заявил один из молчунов. Да еще зло так.

— Я просто сказал: ничего болтливое.

— Так мы, по-твоему, *ленгуас ларгас*?

— Нет.

— Ты хоть знаешь, что значит *ленгуа ларга*?

— Знаю. «Длинный язык».

— А знаешь, что мы с такими делаем?

— Ты меня не страшай. Сами же первые подкатили. Я вам вообще ничего не предлагал.

— Панчо, заткнись, — бросил ершистому тот, кто затеял разговор.

— Так он же намекает, мы-де болтать возьмемся, — буркнул Панчо.

— Слушайте, — говорю, — я вам объясняю: я не вожу ничего, что умеет болтать. Спиртное не умеет. Оплетенные бутылки не умеют. Есть куча других вещей, которые не умеют болтать. Зато люди умеют.

— А китайцы? — зло напирал Панчо.

— Эти умеют болтать, да только я их не понимаю, — сказал я ему.

— Стало быть, не возьмешься?

— Еще вчера вечером ответил. Не могу я.

— Как насчет твоего языка? — поинтересовался Панчо.

Никак он не мог взять в толк, что происходит, и потому кипятился. А еще, должно быть, от разочарования. Я ему даже отвечать не стал.

— Ты сам-то не *ленгуа ларга*, случаем? — спросил он, не сбавляя тона.

— Вот еще.

— Чего-чего? Угрожаешь, что ли?

— Слушай, — говорю я ему. — И охота тебе бунить спозаранок? Поди, и так уже немало глоток перерезал. А я даже кофе не попил.

— Ты, значит, уверен, что я людям глотки режу?

— Нет, — говорю. — И мне плевать. Но ты умеешь вести разговор без вот этого бешенства?

— Ты меня взбесил. Прирезать бы тебя.

— Тьфу, черт, — говорю. — Думай, чего несешь.

— Ладно, Панчо, хватит, — сказал первый и обратился ко мне: — Извини, что так вышло. Жаль, что не можешь нас взять.

— Да и мне жаль.

Все трое поплелись к двери, и я проводил их взглядом. Симпатичные молодые парни, в добротной одежде, но без головных уборов; похоже, каждый при неплохих деньгах. Как бы то ни было, сумму они предложили приличную, да и разговаривали на том английском, на котором изъясняются кубинцы с деньгами.

Двое смахивали на родных братьев; третий, Панчо, был чуток повыше ростом, хотя выглядел по тому же образцу. Ладно скроенный, в хорошем костюме, с блестящими волосами. Мне еще подумалось, что он вряд ли настолько свиреп, каким хотел показаться. Просто весь был на нервах.

Когда они, выйдя из кафе, свернули направо, я увидел крытую машину, что мчалась к ним через площадь. Первым делом посыпалось витринное стекло, и в батарею бутылок у правой стены угодила пуля. Я услышал пальбу, и — *чпок-чпок-чпок* — вдоль всей стены пошли лопаться бутылки.

Я нырнул влево, за стойку, откуда мог наблюдать, выглядывая за край. Машина замерла, рядом на земле скорчились двое мужчин: у одного в руках «томпсон», у другого — обрез из автоматического дробовика. Тот, что с автоматом, был негром. Его напарник носил белый шоферский пыльник.

Один из давешних парней распластался ничком на тротуаре, буквально в шаге от громадной разбитой витрины. Остальные двое притаились за ледовым фургоном с рекламой пива «Ла тропикал», что стоял у соседнего бара «Кунард». Одна лошадь билась в упряжи на земле, вторая неистово дергала головой.

Кто-то из ребят выстрелил из-за фургона, и пуля срикошетила от тротуара. Негр с автоматом чуть ли не вспахал лицом мостовую, очередью обработал фургон снизу, ну и, понятное дело, один из парней повалился на бордюрный камень. Пока он там дергался, прикрывая голову

руками, шофер разрядил в него обрез, а негр тем временем возился со свежим диском. Впрочем, дистанция была приличной, и толку вышло мало. Дробь весь тротуар обметала серебристыми брызгами. Тот, второй, за ноги затащил раненого за фургон, и я увидел, как негр опять жметя щекой к мостовой, чтобы выдать по ним новую очередь. Тут смотрю, старина Панчо огибает фургон с той стороны, прячась за лошадь, что устояла на ногах. Потом выходит из-за лошади, а лицо все белое, как несвежая простыня, и разряжает в шофера свой громадный «парабеллум», для верности ухватив его обеими руками.

На ходу дважды промазывает по негру, взяв слишком высоко, затем еще раз слишком низко. Попадает в покрывку, так как я увидел фонтанчик пыли, обдавший тротуар, а потом, когда оставалось метра три, негр всадил ему в живот пулю из «томпсона». Думаю, последнюю, потому что он даже автомат отбросил, а старина Панчо осел как подрубленный и повалился ничком. Он еще пытался встать, цепляясь за свой «парабеллум», но никак не мог вскинуть лицо, и тогда негр взял шоферский обрез, что валялся возле колеса, и снес ему полчерепа. Тот еще негр.

Я быстренько отхлебнул из первой попавшейся бутылки и, признаться, не могу вам сказать,

что в ней было. Вся эта история мне сильно не понравилась. Украдкой, прячась за стойкой, я выскользнул в кухню, а оттуда через заднюю дверь на улицу. Обогнул площадь, держась от нее подальше и даже не озираясь на толпу, которая стремительно стекалась к кафе. Миновал ворота, а вот и пристань, и я у себя на лодке.

Тип, который ее зафрахтовал, уже поджидал меня на борту. Я рассказал ему, что случилось.

— Но где Эдди? — спрашивает меня этот мистер Джонсон, наш фрахтователь.

— Как поднялась пальба, я его больше не видел.

— Думаете, его ранило?

— Черт возьми, нет, конечно. Я же говорю, единственные попадания внутри кафе пришлось на бутылки. И это было, когда машина их еще догоняла. То есть, когда застрелили первого парня, напротив витрины. Они во-от под таким углом свернули и...

— Откуда вы все так хорошо знаете?

— Так я же смотрел, — сказал я ему.

И тут, вскинув лицо, я увидел, как по пристани шагает Эдди; кажется, еще более долговязый и расхлябанный, чем обычно. У человека словно суставы при ходьбе развинчивались.

— Легок на помине.

Выглядел он изрядно помятым. На Эдди вообще грустно смотреть ранним утром, но нынче он сам себя превзошел.

— Ты где был? — поинтересовался я.

— На полу.

— А вы тоже это видели? — спрашивает Джонсон.

— Мистер Джонсон, — ответил ему Эдди, — давайте не будем об этом говорить. Не то меня стошнит при первой же мысли.

— Вам лучше выпить, — посоветовал ему Джонсон. А затем, обращаясь ко мне, сказал: — Итак, мы выходим?

— Это уж вам решать.

— Что за погода будет?

— Как и вчера. Может, даже получше.

— Тогда выходим.

— Ладно, вот только наживку дождемся.

Мы уже три недели возили этого типчика рыбачить в Гольфстриме, а я так и не увидел от него ни цента, если не считать той сотни долларов, что он дал мне еще перед выходом на Кубу для оплаты консульского и таможенного сборов, на кое-какую провизию и топливо. Рыболовными снастями обеспечивал я, а сошлись мы на тридцати пяти долларах в сутки. Ночевал он в гостинице, на борт заявлялся каждое утро. Эдди

пришлось таскать за собой потому, что этот фрахт устроил он. За что и получал от меня по четыре доллара в день.

— Надо бы ее заправить, — сказал я Джонсону.

— Заправляйте.

— Так ведь на это деньги нужны.

— Сколько?

— За галлон просят по двадцать восемь центов. Долить надо сорок. Стало быть, одиннадцать двадцать.

Он вынул пятнадцать долларов.

— А на сдачу пива со льдом, или как? — спросил я.

— Да-да, — кивнул он. — Просто добавьте сколько нужно к тому, что я вам уже должен.

Меня беспокоила мыслишка, что я чересчур долго с ним затягиваю, но если ему вообще можно верить, не все ли равно: три недели или сколько? Хотя, по-хорошему, платить полагается еженедельно. Я и прежде позволял клиентам кататься по месяцу, и ничего, получал-таки свои денежки. Сам, конечно, виноват, да только очень мне сперва понравилось, что все так удачно складывается. Последние только деньки он меня тревожит, но я придерживал язычок, опасаясь, как бы он не разозлился. Так что если ему можно верить, чем дольше он катается, тем лучше.

— Бутылочку пива? — спросил Джонсон, открывая ящик.

— Нет, спасибо.

Как раз в этот момент на причале показался негр, который наживлял нам снасти, и я крикнул Эдди готовиться к отходу.

Негр со своей наживкой поднялся на борт, и мы отчалили, взяв курс из гавани; негр тем временем возился с наживкой: взяв сразу парочку макрелей, загонял им по крючку в рот, пропуская его через жабры, надсекал бок, после чего выводил крючок с той стороны, плотно стягивая рот лесой на проволочном поводке, чтобы крючок не скользил и наживка уходила в воду плавно, не раскручиваясь.

Это был настоящий, черный негр; сметливый и угрюмый малый, с ожерельем-амулетом из голубых бусин, которое он носил под рубашкой, в старенькой соломенной шляпе. У нас на борту его тянуло только спать да читать газеты. Но дело свое наживное он знал туго и был в нем весьма проворен.

— Шкипер, а вы тоже умеете вот так насаживать макрель? — спросил меня Джонсон.

— Да, сэр.

— Зачем же вам этот негр?

— Как пойдет большая рыба, сами все увидите, — ответил я ему.

- В смысле?
- Наш негр умеет это делать быстрее меня.
- А Эдди не умеет?
- Нет, сэр.
- Все равно, по мне — лишние траты.

Джонсон платил негру по доллару в день, и тот каждый вечер отправлялся плясать румбу. Вот и сейчас я видел, как его уже клонит в сон.

— Как раз он не лишний, — сказал я.

К этому времени мы уже миновали смэки, что стояли на якоре против Каваньи, а заодно и ялики, ловившие бельдюгу с каменистого дна возле форта Морро, и я повел лодку туда, где темной полосой пролегал Гольфстрим. Эдди подвесил за бортом пару приманок покрупнее, а негр уже наживил три удочки.

Гольфстрим подходил чуть ли не к мелководью, и когда мы приблизились, вода казалась почти лиловой, с частыми водоворотами. Поднимался легкий восточный бриз, и мы вспугнули множество летучих рыб, знаете, эдаких крупных, чернокрылых; в воздухе они смахивают на тот снимок, где изображен Линдберг над Атлантикой.

Эти большие летучие рыбы — самая верная примета. Насколько хватало глаз, всюду виднелись мочалки желтовато-белесых водорослей, которые дают понять, что основное течение